Отъезд Добрыни и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича (3)

А срежаицсэ Добрынюшка во цисто полё,
Сподоблеицсе тут Микитиц во роздольицо.
Он своей-то тут жоны сам право наказыват,
Он Настасьи доць Викулисьны наговарыват:
«А пройдёт тому времени шесть лет поры —
Хошь вдовой ты сиди, только хошь взамуж поди;
Не ходи только за Олёшеньку за Поповица:
Олёша силой-то не силён, только напуском смел —
Он напустит на старого, только нонь на малого,
Он напустит на ровнюшку на свою спесивую!»
Как жила же тут Настасьюшка шесть лет поры,
Да приехали из-за моря-моря синёго
Ище те же дружья-братья Настасью сватацьсэ —
И не здумала Настасьюшка за их нонь замуж итти.
И жила где Настасьюшка друга шесть лет
(Да выходит етому времени двянаццать лет!),
Да приехал Олексей-от Настасью сватацьсе —
Она здумала, Настасьюшка, за ёго замуж итти.
Пировали-столовали они да с двора съехали,
Оставлели Добрынину родну маменьку
Да на той же на кирписьней да жаркой пеценьки.
Она сидит на пеци, слезно улива́юци,
Во слёзах-то сама сидит прицитаюци:
«Ище хто же меня будёт ноньце поить-кормить?
Ище хто же миня будёт да обувать-одёвать?
Ище хто же миня будёт ноньце тёплом обогревать?..»
Она соходит со кирписьней да жаркой пеценьки
На те же на полы свои на дубовыя,
Да на те на перекладинки свои сосновыя,
Да на те как на столбышки на тоцёныя —
Да подходит ко кошевцяту окошецьку;
Открыват она стекольцяту-то околёнку,
Она зрит тут, смотрит там да во цисто полё —

Да во то же во роздольицо во широкоё:
Во цистом-то поли там да курёва стоит,
Курёва-та стоит, да ле дым только столбом валит,
Из ушей-то, из ноздрей тут да искры сыплюцьсэ.
Тут не церному ворону пропорху нет,
Тут не ясному соколу пролету нет,
Тут не серому волку прорыску нет —
Проежджаёт-пролетаёт тут доброй молодець.
Он ведь едёт тут прямо к Добрынину высоку те́ряму,
Ише прямо ко Добрынюшкиным жолтым сукнам;
Он ведь ставит коня-та да ко кругу крыльцю,
Он ведь свяжот коня-та да ко золоту кольцю.
Он заходит тут во грыднюшку во столовую,
Он ведь крест-от ведь кладёт тут да по-писанному,
Он поклон-от тут ведёт у их по-уцёному,
Он молитву-ту творит у их право Сусову.
«Уж ты здрастуёшь, Добрынина родна маменька!» —
«Уж ты здрастуёшь, удалой тут доброй молодець!» —
«Ище где у вас не видно да ноньце другой семьи,
Как другой-то семьи, Добрыниной молодой жоны?» —
«Ковда ты-то у мня ле да стал выспрашивать,
Ковда ты у миня ле да стал ноньце выведывать,
Не видал ле Добрынюшки у мня Микитица?» —
«И како́ у те, у Добрынюшки, было знамецько?» —
«И под правой-то под пазушкой была бородовоцька!»
Скиныває́т он своё тут платьё церноё,
Он ведь цёрноё платьицо дорожноё;
Он ведь сдерьгиват рубашецьку тут нонь бумажную;
Выздымаёт свою только руку правую,
Он повыше своей тут да буйной головы.
Ище тут ле она ноньце восьма зрадоваласе:
И не знат она, с им как да поздоровацццэ,
И не знат она с им — слезно заплакати.
«Уж ты здрастуёшь, Добрынюшка Микитиц млад!» —
«Уж ты здрастуёшь, родима да моя мамушка!» —
«Да тепереце Настасьюш[к]а под веньцём стоит,
Да тепереце с Олёшенькой где-то овеньцяласе!» —
«Ты ой еси, маменька родимая!
Да возьми-ко-се ты, мамуш[к]а, мои золоты клюци,

Отомкни-ко-се мои поди болыпи сундуки —
Принеси-ко-се ты мне-ка да платьё церноё!
Во-вторы мне принеси-ко-се ты мне-ка злацян перстень:
Я которым перснём с Настасьей овеньцялса же,
Я которым с Викулисьней обруцялса же!
Ты ище мне принеси-ко-се звонки гусельци:
Уж я пойду там к Олёшеньки, пойду на почесьён пир!»
Воспроговорит ёму маменька таково слово:
«У их все там ведь места где-то призаняты,
У их все там ведь места где-то призаси́жоны, —
У их одно только будёт место тебе на песьнём столбу!
У их у ворот-то наставлёны прыворотники,
У дверей у их наставлёны придверники!..»
И срежалсе тут Добрынюшка крутёхонько,
Сподоблялса тут Микитиц — да поскоре того.
Он пошол же тут к Олёшеньки на поцесьён пир:
Он не спрашивал у окошоцьков ответчиков,
У ворот-то ведь не спрашивал приворотников,
У дверей-то не спрашиват ихных прыдверьников.
Он заходит тут во грыднюшку тут во столовую —
Он ведь крест-от тут кладёт у их по-писаному,
Он поклон-от ведёт у их по-уцёному,
Он молитву-ту творит тут да право Сусову.
«Уж ты здраствуёшь, Олёшенька Попович млад!» —
«Уж ты здраствуёшь, калика ты перехожая,
Перехожая калика ты, переежджая!» —
«Уж ты здраствуёшь, Настасьюшка Викулисьня!» —
«Уж ты здраствуёшь, калика да перехожая,
Перехожая калика ты переежджая!
У нас все же места ноньце призаняты,
Ище все у нас места-ти да призасижоны;
И как одно только есь местицько на песьнём столбу!»
Тут садилса калика да на песьней на столб.
Воспроговорит калика да таково слово:
«Уж ты ой еси, Олёшенька Поповиц млад!
Не угодно ле, Олексей, тебе во гусли сыграть
Да тепере тебе, Олёшенька, при пирушецьки?..»
Воспроговорит Олёшенька Поповиц млад:
«Ты играй-играй, калика, да колька тебе хоцицьсе!»

Во первы-ти заиграл — Настасья подумала.
Во вторы-ти заиграл — Настасья проплакала.
Во третей-ти заиграл — Настасья спромолвила:
«Уж ты ой еси, Олёшенька Поповиц млад!
Ты налей-ко, налей цяру-ту мне-ка зелена вина,
Ты не малу, не велику-ту мне-ка — полтара ведра:
Да тепереце калики-то шибко угорелосе,
Со великой-то дорожецьки выпить захотелосе!»
Он наливал ей ведь цяру да зелена вина,
Он не малу, не велику ей — полтара ведра.
Подават она калики да цяру зелена вина.
Прымат тут калика да цяру-ту, зелено вино:
Одною где тут рукой берёт, одным мезёнышком —
Выпиват ету цару да зелена вина,
Выпиват ету цару да к одному́ духу.
Он спускат тут ей в цяру да свой злаця́н перстень,
Отдават тут Настасьюшки-то Викулисьни.
Тут берёт где Настасья да доць ноньце Викулисьня;
Воспро(го)ворит Настасьюшка тут таково слово:
«Уж я етим перснём с Добрыней овеньцяласе,
Уж я етим перснём с Микитицём обруцяласе!»
Она сымат тут калику да со песьня столба
И цолуют тут калику да в сахарны уста.
«Уж ты здрастуёшь, Добрынюша Микитиц млад!» —
«Уж ты здрастуёшь, Настасьюшка доць Викулисьня!»
Они Богу помолились, из грыднюшки-то вон пошли:
«Да спасибо те, Олёшенька, ноньце под веньцом стоял;
Да женилса, Олёшенька, — тебе больше не с ким спать!»
Ище мудры-ти люди да все засмеелисе,
А ище глупы-ти люди все ноньце подумали.

(Зап. А. Д. Григорьевым 6 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры — от Поташо́вой Парасковьи Антиповны (урож. д. Копылиха), 57 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.